

Брайтентреретер – Паолоино. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Брайтентреретер – Паолоино. Владимир Владимирович Набоков

..Мир играет: и кровь в жилах, и солнце на воде, и музыкант на скрипке.

Все хорошее в жизни: любовь, природа, искусство и домашние каламбуры игра. И когда мы действительно играем, – разбиваем ли горошинкой жестяной батальон или сходимся у веревочного барьера тенниса, то в самых мышцах наших ощущаем сущность той игры, которой занят дивный жонглер, что перекидывает из руки в руку непрерывной сверкающей параболой – планеты вселенной.

Люди играют с тех пор, как существуют. Бывают века – каникулы человечества, – когда люди особенно увлекаются играми. Так было в прежней Греции, прежнем Риме и в современной нам Европе.

Ребенок хорошо знает, что для того, чтобы всласть поиграть, нужно играть с кем-нибудь или по крайней мере вообразить кого-нибудь, раздвоиться. Иначе говоря, нет игры без соревнования; потому-то некоторые игры, как, например, гимнастические фестивали, когда полсотни мужчин или женщин чертят на плацу общие фигуры одинаковых движений, кажутся пресными, будучи лишены того главного, что придает игре восхитительную, волнующую прелесть. Потому-то так смешон коммунистический строй, при котором все обречены делать все одну и ту же скучноватую гимнастику, не допускающую, чтобы кто-нибудь был стройнее соседа.

Недаром Нельсон говаривал, что трафальгарская битва была выиграна на футбольных и теннисных площадках Итона. И немцы с недавних пор тоже поняли, что гусиным маршем далеко не уйдешь и что бокс, футбол и хоккей поважнее военной и всякой другой гимнастики. Особенно важен бокс – и мало есть зрелищ здоровее и прекраснее боксовых состязаний. Нервозный господин, не любящий по утрам мыться нагишом и склонный удивляться, что поэт, работающий для двух с половиной знатоков, получает меньше денег, нежели боксер, работающий для многотысячной толпы (не имеющей, кстати сказать, ничего общего с так называемой чернью и охваченной гораздо больше чистым и искренним, и добродушным восторгом, чем толпа, встречающая гражданских героев), – этот нервозный господин отнесется с негодованием и отвращением к кулачному бою, точно так же, как и в Риме, вероятно, были люди, которые морщились оттого, что двое здоровых гладиаторов, показывая лучшее, что есть в смысле гладиаторского искусства, надают друг другу таких железных тумачков, что уже никакого «полище версо» не надо, и так друг друга прикончат.

Дело, конечно, вовсе не в том, что боксер-тяжеловес после двух-трех раундов несколько окровавлен, а белый жилет судьи имеет такой вид, словно вытекли красные чернила из самопишущего пера. Дело, во-первых, в красоте самого искусства бокса, в совершенной точности выпадов, боковых скачков, нырков, разнообразнейших ударов, согнутых, прямых, наотмашь, и, во-вторых, в том прекрасном мужественном волнении, которое это искусство возбуждает. Красоту, романтику бокса изобразили многие писатели. У Бернарда Шоу есть целый роман о профессиональном боксере. О том же писали Джек Лондон, и Конан-Дойль, и Куприн. Байрон – этот любимец всей Европы за исключением разборчивой Англии, – охотно дружил с боксерами и любил глядеть на их бои, точно так же, как это любили бы Пушкин и Лермонтов, живи они в Англии. Сохранились портреты профессиональных боксеров XVIII и XIX веков. Это знаменитые Фигг, Корбетт, Крибб дрались без перчаток, и дрались искусно, честно, упорно, – чаще до полного изнеможения, чем до нокаута.

И появление в середине прошлого века боксовых перчаток было вовсе не общим местом гуманности, а вызвано было желанием защитить кулак, который иначе можно было легко разбить в течение двухчасовой схватки. Все они давным-давно сошли с боевого помоста – эти славные кулачные мастера, – и немало фунтов стерлингов принесли они своим сторонникам, и доживали до глубокой старости, и по вечерам, в кабаках, за кружкой пива, с гордостью рассказывали о своих былых подвигах. И за ними появились другие, учителя нынешних, – громадный Сулливан Бернс, с виду лондонский щеголь, Джеффрис, сын кузнеца, – «белая надежда», как называли его, намекая на то, что чернокожие боксеры становятся непобедимыми.

Те, кто надеялись, что Джеффрис победит черного великана Джонсона, потеряли свои

Брайтентрер – Паоло. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru деньги. Две расы глядели на этот бой. Но, несмотря на неистовую вражду между белым и черным лагерем (дело происходило в Америке лет 25, а то и больше, тому назад), ни единый закон боксовой игры не был нарушен, хотя Джеффрис приговаривал при каждом ударе: «желтый пес... желтый пес...». И после долгого великолепного боя громадный негр так шарахнул противника, что Джеффрис вылетел навзничь с помоста через круговой канат и, как говорится, «уснул».

Бедный Джонсон! Он почил на лаврах, раздобыл, взял в жены белую красавицу, стал появляться как живая легенда на сценах мюзик-холлов, а потом, кажется, угодил в тюрьму, и недолго маячили в иллюстрированных журналах его черное лицо и белая улыбка.

Мне посчастливилось видеть и Смита, Гомбардира Уэльса, и Годара, и Уайльда, и Бекетта, и чудесного Карпантье, который победил Бекетта. Этот бой, давший первому 5 тысяч, а второму 3 тысячи фунтов, продолжался ровно 56 секунд, так что некто, заплативший фунтов 20 за место, успел только закурить, а когда посмотрел на ринг, Бекетт уже лежал на досках в трогательном положении спящего младенца.

Спешу предупредить, что в таком ударе, вызывающем мгновенный обморок, ничего нет страшного. Напротив. Мне самому пришлось это испытывать, и могу заверить, что такой сон скорее приятен. В самом кончике подбородка есть косточка, вроде той, в локте, которую зовут по-английски «веселой косточкой», а по-немецки «музыкальной». Всякий знает, что если удариться углом локтя, в руке сразу – мелкий звон и мгновенное оцепенение мышц. То же происходит, если очень сильно ударить вас в кончик подбородка.

Никакой боли. Только раскат мелкого звона и мгновенный приятный сон (так называемый нокаут), продолжающийся от десяти секунд до получаса. Менее приятен удар в солнечное сплетение, но хороший боксер так умеет напрячь живот, что не дрогнет, даже если лошадь лягнет его под ложечку.

Карпантье я видел и на этой неделе, во вторник вечером. Он явился как тренер тяжеловеса Паоло, и зрители как будто не сразу узнали в этом скромном белокуром молодом человеке недавнего чемпиона мира. Ныне слава его потускнела. Говорят, что после страшной схватки его с Демпсеем он рыдал, как женщина.

Паоло явился в ринг первыми сел, как полагается, в угол на табурет. Огромный, с темной квадратной головой, в пышном халате до пят, этот баск был похож на восточного идола. Озарен был только самый ринг, и в белом конусе света, падающего на него сверху, помост казался серебристым. Этот серебристый куб посредине темного исполинского овала, где частые ряды бесчисленных человеческих лиц напоминали зерна спелой кукурузы, рассыпанные по черному фону, – этот серебристый куб казался озаренным не электричеством, а сосредоточенной силой всех взглядов, устремленных на него из темноты. И когда на светлый помост взошел противник баска, чемпион Германии Брайтентрер, светловолосый, в халате мышиного цвета (и почему-то в серых штанах, которые он тут же стал стягивать), огромная темнота задрожала радостным гулом. Гул не смолкал ни пока фотографы, прыгнув на край помоста, наводили свои «обезьяньи ящики» (как выразился мой сосед-немец на бойцов, на судью, на секундантов, ни пока чемпионы «боевые рукавицы натягивали» (мне вспоминается молодой опричник и удалой купец). И когда оба противника поскидали с могучих плеч халаты (а не «шубы бархатные») и кинулись друг на друга в белом блеске ринга, легкий стон прошел в темной бездне, в рядах кукурузных зерен и в верхних туманных ярусах, – ибо все видели, насколько баск крупнее, кореннее их любимца.

Брайтентрер напал первый, и стон превратился в грохот восторга. Но Паоло, вобрав в плечи голову, отвечал короткими крюками снизу вверх, и чуть ли не с первых же минут лицо немца блесло кровью.

При каждом же ударе, получаемом Брайтентрером, мой сосед со свистом вбирал воздух, словно сам получал удары, и крикала каким-то огромным сверхъестественным криком вся темнота, все ярусы. Уже на третьем раунде стало заметно, что немец ослабел, что удары его не могут оттолкнуть сгорбленную оранжевую гору, надвигающуюся на него. Но он бился с необыкновенной смелостью, стараясь наверстать быстротой те 15 фунтов, на которые баск был тяжелее его.

Вокруг светящегося куба, по которому плясали бойцы и судья, извивавшийся между ними, черная темнота замерла, – и в тишине сочно брякала лоснистая от пота

Брайтентреретер – Паолино. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru перчатка о голое живое тело. В начале седьмого раунда Брайтентреретер упал, но через 5–6 секунд, рванувшись, как лошадь на гололедице, встал. Баск тотчас налетел на него, зная, что в таких случаях надо действовать решительно и быстро, вкладывать в удары всю возможную мощь, а то бывает, что только жгучий, но не крепкий удар, вместо того, чтобы добить ослабшего противника, действует на него живительно, пробуждает его. Немец отклонялся, цеплялся за баска, стараясь выиграть время, дотянуть до конца раунда. И когда он снова повалился, то, действительно, гонг спас его: на восьмой секунде он с громадным усилием встал, дотащился до табурета. Каким-то чудом он выдержал второй раунд при восходящих раскатах рукоплесканий. Но в начале раунда девятого Паолино, бьющий его под челюсть, попал так, как хотел. Брайтентреретер рухнул. Неистово и нестройно заревела темнота. Брайтентреретер лежал калачиком. Судья досчитал роковые секунды. Он продолжал лежать.

Так окончилось состязание, и когда мы все вывалили на улицу в морозную синеву снежной ночи, я уверен, что в самом дряблом отце семейства, в самом скромном юноше, в душах и мышцах всей этой толпы, которая завтра рано утро разойдется по конторам, лавкам, заводам, – было одно и то же прекрасное ощущение, ради которого стоило свести двух отличных боксеров, – ощущение какой-то уверенной искристой силы, бодрости, мужества, внушенных боксовой игрой. И это играющее чувство, пожалуй, важнее, чище многих так называемых «возвышенных наслаждений».

Впервые: «Слово» (Рига) № 38–39, 1925 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!